

© 2014 г.

В.В. СОГРИН

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ДЖ. БУША-МЛАДШЕГО. ГЕНЕЗИС. ЭВОЛЮЦИЯ. ИТОГИ

«Мы одержали победу в “холодной войне”», – провозгласил Дж. Буш-старший в ходе президентской избирательной кампании 1992 г. Это утверждение быстро стало общим местом в американской внешнеполитической идеологии и убеждением большинства граждан США. США без промедления идентифицировали себя как единственную сверхдержаву. Для руководства страны и политического класса в целом отсюда вытекали принципиально важные заключения. Первое состояло в том, что прежний миропорядок, в котором соперничали и делили мир США и СССР, исчез, поэтому необходимо формировать основы нового миропорядка. Следующий постулат – США по праву победителя и потому, что они, наконец-то, стали единственным мировым лидером, принадлежит руководящая роль в формулировании и выстраивании нового миропорядка.

Утверждение и обоснование права США на глобальное лидерство и формирование нового миропорядка стало основополагающей тенденцией американской внешнеполитической идеологии. Но этой тенденцией она не исчерпывалась. Были и другие тенденции. По мнению представителей “левого” крыла американской политической мысли во главе с И. Валлерстайном и Н. Чомским, успех США в “холодной войне” неизбежно обнаружит несостоятельность США в силу явной ограниченности материальных и духовных ресурсов утвердить монопольную гегемонию в новом миропорядке. А с общечеловеческой точки зрения такая претензия антидемократична и аморальна¹. Критическую позицию заняли и некоторые представители “правого” крыла политической мысли США. Наибольшую известность и влияние среди них обрел П. Бьюкенен. Неоконсервативную концепцию “мировой демократической революции” под верховенством США он развенчивал беспощадно. Эта утопичная и вредная внешнеполитическая цель, по его убеждению, может стать главной причиной возможной скорой гибели Соединенных Штатов².

Согрин Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра Североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, главный редактор журнала “Новая и новейшая история”.

¹ *Валлерстайн Э.* Америка и мир: сегодня, вчера и завтра. – Свободная мысль, 1995, № 2, 4; *его же.* После либерализма. М., 2003; *Wallerstin I.* The Decline of American Power. The U.S. in Chaotic World. New York – London, 2003; *Chomsky N.* Hegemony or Survival. America’s Quest for Global Dominance. New York, 2003. Разбор их взглядов см.: *Баталов Э.Я.* Мировое развитие и мировой порядок. Анализ современных американских концепций. М., 2005, с. 62–65.

² *Бьюкенен П.Дж.* Смерть Запада. М., 2003; *его же.* Правые и не-правые. Как неоконсерваторы заставили нас забыть о рейгановской революции и повлияли на президента Буша. М., 2006; *его же.* На краю гибели. М., 2008; *Buchanan P.J.* The Death of the West: How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Civilization, New York, 2002; *idem.* Where the Right Went Wrong: How Neoconservatives Subverted the Reagan Revolution and Hijacked the Bush Presidency. New York, 2004; *idem.* State of Emergency: the Third World Invasion and Conquest of America. New York, 2006; *idem.* Suicide of Superpower: Will America Survive to 2025? New York, 2011.

В “правом” лагере критиков гегемонистской внешней политики США особое место занял С. Хантингтон, политолог с мировым именем. В первой половине 1990-х годов он выдвинул концепцию *конфликта цивилизаций*, доказывая, что после “холодной войны” никакого триумфа либерального капитализма не произошло, а на смену противоборству США и СССР пришло столкновение мировых цивилизаций, в первую очередь исламской и западной. Западная цивилизация во главе с США, поставившая перед собой недостижимую цель утверждения мировой демократии либерального образца, обречена на неудачу; ей нужно принять цивилизационный плюрализм мира и заботиться о собственном сохранении³.

Но их удельный вес в идеологии внешней политики США оказался мал, а во внешнеполитической практике отсутствовал вообще. И в идеологии, и в практике внешней политики возобладали позиции двух главных партий – республиканцев и демократов, как и поддерживавших их средств массовой информации и разнообразных общественно-политических объединений, групп, движений.

В отечественной литературе распространена точка зрения о том, что внешнеполитическая стратегия республиканцев и демократов после окончания “холодной войны” была основана на единстве и преемственности. В действительности присутствовали как преемственность, так и различия. Преемственность и единство выразились, например, в том, что после окончания “холодной войны” республиканцы отошли от принципов *реализма*, характерного для них на ряде этапов “холодной войны” (в первую очередь в годы президентства Р. Никсона и Дж. Форда), и встали, подчас более решительно, чем демократы, на позицию вильсоновского мессианизма. Они восприняли основополагающее понятие вильсоновской внешней политики – “интернационализм”. Но в отличие от “отца-основателя” “либерального интернационализма”, республиканцы проповедовали жесткий вариант американского мирового мессианизма и лидерства, не стесняясь делали упор на силовые методы осуществления мировой “демократической революции”. Как заметил один из американских аналитиков, республиканцы исповедовали “вильсонизм в сапогах”⁴. В отличие от В. Вильсона и его ортодоксальных последователей, демократов, республиканцы утверждали мессианское лидерство, полагаясь на собственные ресурсы и волю США, умаляя и даже игнорируя международные организации, в том числе ООН.

Огромную роль в выработке внешнеполитической стратегии республиканской партии после “холодной войны” сыграли неоконсерваторы. Они были влиятельны и в период президентства Р. Рейгана, а по завершении “холодной войны” их активность в формировании внешнеполитической стратегии нового мироустройства еще более возросла. Дж. Болтон, Дж. Кирпатрик, Ч. Краутхэммер, Р. Кэген, У. Кристол, Н. Подгорец, Р. Перл, Д. Рамсфелд и другие активно доказывали, что новый миропорядок является *однополярным*, что Соединенные Штаты не только *единственная сверхдержава*, но и *империя*, и этим статусом они должны гордиться. Главный аргумент: американский имперский универсум – *Rex Americana*, в отличие от всех прежних империй, основывается на ценностях демократии⁵. В январе 1998 г. ведущая группа неоконсерваторов направила письмо президенту США демократу Б. Клинтону, в котором предложила в

³ *Huntington S.* The Clash of Civilizations? – Foreign Affairs, Summer 1993; *idem.* The Clash of Civilizations and Remaking the World Order. New York, 1996; *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? – Полис, 1994. № 1, с. 33–34.

⁴ Цит. по: *Печатнов В.О., Манькин А.С.* История внешней политики США. М., 2012, с. 604.

⁵ См. подробнее: *Ehrman J.* The Rise of Neoconservatism. Intellectuals and Foreign Affairs 1945–1994. New Haven – London, 1995, p. 181–188; *Bacevich A.* American Empire. Cambridge (Mass.), 2002, p. 2–5; *Abbot P.* Political Thought in America. Long Grove (Ill.), 2005, p. 335–336; *The Paradox of a Global USA.* Stanford, 2007, p. 25; *Pearson M.L.* Perils of Empire. The Roman Empire and the American Republic. New York, 2008, p. 3; *Баталов Э.А.* Америка: страсти по империи. – Свободная мысль-XXI, 2003, № 12, с. 9–28; *его же.* Мировое развитие..., с. 320–348; *Рахимир П.Ю.* Американские консерваторы и имперская идея. Пермь, 2007.

очередном ежегодном послании национальному Конгрессу признать “насушной целью американской внешней политики” свержение иракского лидера Саддама Хусейна и отдать приказ “о боевых действиях, если дипломатия не поможет”⁶.

Шансов воздействовать на президента-демократа Б. Клинтона у неоконсерваторов было гораздо меньше, нежели на республиканскую партию. В программах последней неоконсервативные цели и трактовки, по сути, доминировали. Платформы республиканцев 1992, 1996 и 2000 годов жестко требовали “распространять демократию и экономические свободы” в глобальном масштабе, утверждать “мир посредством силы” (peace through strength). Для этого требовалось перманентное “наращивание мускулов”, в частности возобновление прекращенной Б. Клинтонем, сразу после его прихода к власти, программы “звездных войн”⁷. Договор 1972 г. с СССР о противоракетной обороне (ПРО) объявлялся устаревшим, США предлагалось выйти из договора и принять новую собственную программу ПРО. Решительно осуждался поддерживаемый демократами договор о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия. Республиканцы брали обязательство гарантировать Соединенным Штатам “статус превосходящей всех военной державы” (preeminent military power). Подчеркивалось право США на одностороннее, в обход международных организаций, использование военной силы.

В программах республиканцев провозглашалась цель скорейшего приема в НАТО стран Центральной Европы, бывших союзников СССР по Варшавскому договору. Подчеркивалось, что США должны быть гарантом независимости бывших советских республик, “особенно Латвии, Литвы, Эстонии, Украины и Армении”. На Ближнем Востоке главным объектом опеки США объявлялся Израиль. Цель свержения иракского режима прямо не декларировалась, но подчеркивалась необходимость “поддержки оппозиции Саддаму Хусейну” (правительство Б. Клинтона неизменно критиковалось за пассивность в отношении антидемократических действий иракского лидера). Для Южной Америки подчеркивалось непреходящее значение доктрины Монро. Неизменно подтверждалась необходимость стимулировать демократизацию режима в Китае и защищать суверенные права населения Тайваня⁸.

Демократ Б. Клинтон, победивший Дж. Буша-старшего на президентских выборах 1992 г. и затем в течение восьми лет руководивший внешней политикой США, воспринял принципиальный подход, который наметился во внешней политике Вашингтона по завершении “холодной войны”. Отказ от “устаревшей” доктрины “сдерживания” и утверждение нового глобального миропорядка по американской модели и под монопольным лидерством США, наделяющих себя функцией дирижера и распорядителя мировой экономики и политики, – вот ее суть. Сам Клинтон не раз формулировал эту суть в предельно откровенной форме⁹. Не менее определенные гегемонистские формулировки использовала государственный секретарь М. Олбрайт. В “классику” гегемонистской риторики вошло ее определение Соединенных Штатов как “незаменимой нации” в роли мирового лидера. Полностью ее суждение звучало так: “Если нам придется прибегнуть к силе, так это потому, что мы – Америка. Мы – незаменимая нация”. В другом суждении Олбрайт “наделила” США “обязанностью быть творцом истории” (we have our own duty to be authors of history)¹⁰.

⁶ Цит. по: Бьюкенен П. Дж. Правые и не-правые, с. 72.

⁷ Эта программа была одобрена в США по инициативе Р. Рейгана в начале 1980-х годов. Известная официально как “Стратегическая оборонная инициатива” (СОИ), она означала размещение средств противовоздушной обороны в космосе.

⁸ Republican Party Platform of 1992. – American Presidency Project. Online by G. Peters, J.T. Woolley. – <http://www.Presidency.ucsb.edu/ws/?pid=25847>; Republican Party Platform of 1996. – American Presidency Project. Online by G. Peters, J.T. Woolley. – <http://www.Presidency.ucsb.edu/ws/?pid=25848>; Republican Party Platform of 2000. – American Presidency Project. Online by G. Peters, J.T. Woolley. – <http://www.Presidency.ucsb.edu/ws/?pid=25849>.

⁹ Bacevich A. Op. cit., p. 32–33.

¹⁰ Ibid., p. 1, 33.

Вместе с тем внешнеполитическая программа демократической партии 1990-х годов имела определенные отличия от программы республиканцев. Демократы делали больший упор на “мягкую силу”. Они предполагали создание особого “Корпуса демократии”, своего рода аналога “Корпуса мира” 1960-х годов, добровольцев из которого предстояло обучать демократическим нормам и процессам правительства и граждан самых разных стран. В их программе также, в духе уже Дж. Картера, подчеркивалось особое значение защиты “прав человека” во всем мире. Демократы, в отличие от республиканцев, достаточно определенно высказывались за тесное сотрудничество с международными организациями, в первую очередь с ООН, в утверждении нового миропорядка. Они поддерживали подписание международного договора о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия (неоконсерваторы были категорически против), как и ратификацию Киотского протокола, устанавливавшего квоты для индустриальных стран в выбросах парникового газа в атмосферу (республиканцы и в этом вопросе были категорически против)¹¹. Особое значение Клинтон и демократы придавали переустройству мирового экономического порядка. Мир вступил в “эру глобализации”, и США надлежало стать ее вдохновителем и лидером. США сумели занять одно из главных мест в АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сообщество). В Америке ими была в 1994 г. создана НАФТА – Североамериканская ассоциация свободной торговли, включившая, помимо самих инициаторов, Канаду и Мексику¹².

Но и от силовых методов достижения целей демократы не отказывались. В период президентства Клинтона США фактически взяли на себя роль мирового полицейского, что имело следствием резкое возрастание вмешательства Соединенных Штатов во внутренние конфликты на всех континентах мира. Это означало негласную расширительную трактовку доктрины Монро. Если Т. Рузвельт в начале XX в. внес в нее поправку, наделявшую США ролью полицейского в странах Латинской Америки, то Клинтон своими действиями расширил ее до права США быть полицейским всего земного шара. Клинтон также усилил демократическую риторику “полицейской” поправки. Одно из главных мест заняла в ней концепция “гуманитарной интервенции”.

Концепция имела предысторию, но ее полное обоснование и, главное, практическое применение связано именно с внешнеполитической деятельностью Б. Клинтона. Огромную поддержку Клинтону оказывали американские СМИ и иные институты формирования общественного мнения, вынесшие гуманитарный компонент на центральное место во внешнеполитической повестке¹³. В 1990-е годы наибольшую известность приобрели “гуманитарные интервенции” США в бывшие республики Югославии.

США не только усилили собственное гегемонистское присутствие в Европе, но и способствовали превращению в главную ее военную силу блока НАТО. Кроме американских стараний этому благоприятствовал ряд других причин. Одна из них – открытое и даже демонстративное стремление бывших союзников СССР, стран только что распущенного Варшавского договора, незамедлительно вступить в военно-политический Североатлантический альянс. Они начали настойчиво “стучать в двери” НАТО уже с 1991 г. Политический класс США вначале несколько оторопел от такой

¹¹ Democratic Party Platform of 1992. American Presidency Project. Online by G. Peters, J.T. Woolley. – <http://www.Presidency.ucsb.edu/ws/?pid-29610>; Democratic Party Platform of 1996. American Presidency Project. Online by G. Peters, J.T. Woolley. – <http://www.Presidency.ucsb.edu/ws/?pid-29611>; Democratic Party Platform of 2000. American Presidency Project. Online by G. Peters, J.T. Woolley. – <http://www.Presidency.ucsb.edu/ws/?pid-29612>.

¹² *Ohaegbulam F.U.* A Concise Introduction to American Foreign Policy. New York, 1999, p. 62–63; *Clemens W.C. jr.* America and the World. 1898–2025. Achievements, Failures, Alternative Futures. New York, 2000, p. 51–52; *Hook S.W., Spanier J.* American Foreign Policy Since World War II. Washington, 2004, p. 255–264.

¹³ *Nye J.Jr.* The Paradox of American Power. Why the World’s Only Superpower Can’t Go It. New York, 2002, p. 149.

настойчивости, не желая портить отношения с Россией, сделавшей ему столько уступок. Но достаточно быстро он признал совпадение страстного стремления в НАТО бывших восточноевропейских союзников СССР (именовавших себя теперь странами Центральной Европы) с собственными великодержавными интересами. В 1993 г. помощник Клинтона по национальной безопасности Э. Лейк, активный сторонник продвижения НАТО на Восток, обосновал необходимость поддержки устремлений стран Центральной Европы актуальной задачей “расширения мирового сообщества рыночных демократий”¹⁴. В начале 1994 г. Б. Клинтон указал на неотвратимость расширения НАТО, заявив, что вопрос этот решенный и должен быть переведен в плоскость “как и когда” это произойдет¹⁵. Был составлен график вступления в альянс центральноевропейских стран, как и прибалтийских, бывших советских, республик. Процесс расширения НАТО был запущен в жизнь. На его завершение понадобилось не менее 10 лет, но основная работа была проделана в период президентства Клинтона.

В своей российской политике Клинтон опирался на поддержание самых тесных отношений с Б.Н. Ельциным, рассматривая его как главного и даже единственного гаранта продвижения России по западному цивилизационному пути. Уверовав в это предназначение Ельцина, Клинтон стал закрывать глаза на крепнувший авторитарный стиль российского президента, поправки тем демократических норм: “На практике Клинтон принял решение поддерживать Ельцина вне зависимости от того, что делал его московский друг, особенно в драматический период штурма войсками Ельцина собственного парламента в октябре 1993 г. и военной интервенции в Чечне год спустя. Для команды Клинтона именно Ельцин олицетворял реформы, а его противники – регресс и возможный возврат к коммунизму”¹⁶. Республиканцы в отношении ельцинского режима занимали гораздо более жесткую и негативную позицию.

“Медовый месяц” в отношениях Клинтона и Ельцина продолжался до середины 1990-х годов, после чего российско-американская дружба пошла на спад. Тому были как внутри-, так и внешнеполитические причины. Клинтон не мог не реагировать на нараставшую в США, в том числе в его собственной партии, критику укреплявшегося авторитаризма и волюнтаризма Ельцина. Ельцин, со своей стороны, не мог не реагировать на то, что США своей гегемонистской политикой, по сути, превращают Россию в послушного клиента. Вооруженная “гуманитарная интервенция” США и НАТО в Югославию в 1995 г. подвела черту под безоблачными отношениями между “Биллом и Борисом”¹⁷. Дальнейшее охлаждение отражало также нарастание антиамериканских настроений в широких кругах россиян.

В меняющейся политической ситуации Ельцин и политический истеблишмент в целом пытались сохранять верность своему идейно-политическому выбору, но и игнорировать перемены в массовом сознании были не в состоянии. Кроме того, стал

¹⁴ *Голдгейр Дж., Макфол М.* Цель и средства. Политика США в отношении России после “холодной войны”. М., 2009, с. 17, 228. Аргументация Лейка нашла воплощение в директиве СНБ США от июля 1994 г. “Стратегия национальной безопасности посредством вовлечения и расширения”.

¹⁵ Это вызвало протест со стороны России, а многие московские политики, публицисты, политологи начали утверждать, что нераспространение НАТО было обещано СССР в ходе его радикальных уступок Западу в конце 1980-х годов, в первую очередь согласия на поглощение ФРГ Восточной Германии. В последующем этот вопрос стал и остается поныне предметом острых разногласий среди политиков и ученых. Имеющиеся факты свидетельствуют, что документального согласия Москве дано не было, но устные “джентльменские” заверения целого ряда лидеров западных держав относительно нераспространения НАТО на Восток имели место. Так, госсекретарь США Дж. Бейкер заверил М.С. Горбачёва: “НАТО не будет расширять свою юрисдикцию или продвигать свои силы на восток ни на один дюйм”. Горбачев, закрепляя “джентльменское соглашение”, подчеркнул, что “любое расширение зоны НАТО неприемлемо”. Ответом Бейкера было: “Я согласен”. Цит. по: *Голдгейр Дж., Макфол М.* Указ. соч., с. 227.

¹⁶ Там же, с. 22.

¹⁷ *Тэлботт С.* Билл и Борис. Записки о президентской дипломатии. М., 2003.

нарастать соблазн перенести недовольство масс своим положением полностью на западного партнера, сняв или хотя бы снизив ответственность за “дикий” отечественный капитализм с российского истеблишмента¹⁸. Так в российской элите утвердилось амбивалентное отношение к США. Российская элита не была готова открыто отказаться от либерально-демократических ценностей и идейного союза с западной цивилизацией, но она стала все более претендовать на собственную суверенную роль в ней и начала все больше пикироваться с Соединенными Штатами, обнаружившими непонимание и неприятие ее позиции и интересов. Но, несмотря на все трудности и ухудшение отношений с Москвой, Клинтон вплоть до отставки Ельцина в конце 1999 г. рассматривал его как приверженца западных ценностей и связывал с его курсом эволюцию России по либерально-демократическому пути¹⁹.

Одним из важных нововведений внешней политики США клинтоновской эпохи явилось выделение в особую группу “стран-изгоев” (rogue states) и пристальное внимание к ним. Общий их список насчитывал около десятка стран²⁰, но Вашингтон наиболее тщательно отслеживал поведение четырех – Ирака, Ирана, Ливии, Северной Кореи. Критериями отнесения к “странам-изгоям” в глазах руководства США являлось грубое нарушение универсальных прав человека, обладание или стремление к приобретению оружия массового уничтожения (ОМУ), в первую очередь ядерного, наконец, причастность к терроризму.

В целом президентство Клинтона стало важным этапом формирования Вашингтоном стратегии и практики внешнеполитического курса США в качестве единственной сверхдержавы, как и нового миропорядка, сменившего ялтинско-потсдамский. Энергичному утверждению США в качестве единоличного мирового лидера благоприятствовала пассивная, а часто соглашательская позиция России, не обладавшей и частью того веса и влияния, которыми располагал СССР. Москва сдала позиции или самоустранилась из всех регионов мира – Ближнего и Среднего Востока, Латинской Америки, Африки, большинства регионов Азии. Укреплению гегемонистских притязаний США благоприятствовала и достаточно робкая международная позиция Китая, который хотя и утверждался последовательно в роли крупной мировой державы, все же не решался “сдерживать” монопольное лидерство Соединенных Штатов на мировой арене, а ограничивался отпором им в своих отношениях с Тайванем. Кроме того, и Китай, и Россия испытывали серьезную зависимость от США в своей экономической политике, что не могло не сказываться на их внешнеполитической позиции.

Гегемонистская стратегия Клинтона и демократов была воспринята Дж. Бушем-младшим и республиканской партией, пришедшими к власти в результате победы на президентских выборах 2000 г. Но их нововведения были также вполне серьезны. Внешнеполитическая стратегия республиканцев, выработывавшаяся в течение десяти лет, отличалась от стратегических установок Клинтона и демократов более откровенным мессианизмом и агрессивностью. Ее авторов подчас называют вторым поколением неоконсерваторов, которое было убеждено, что двухполярный мир сменился однополярным, и американская демократическая империя (демократам поименование США империей казалось кощунством. – В.С.), этот новый Рим, вправе без всяких экивоков распоряжаться судьбами человечества. Второе поколение подчинило себе республиканскую партию еще более прочно, чем первое. Буш-младший, неизменно признававший своим духовным гуру Р. Рейгана (о своем отце скромно умалчивал, но

¹⁸ *Согрин В.В.* 1985–2005: три превращения современной России. – Отечественная история, 2005, № 3, с. 3–24.

¹⁹ Клинтон также считал, что избрание Б.Н. Ельциным своим преемником В. Путина будет способствовать продолжению этого курса: *Клинтон Б.* Моя жизнь. М., 2005, с. 988, 974.

²⁰ Ирак, Иран, Афганистан, Куба, Северная Корея, Ливия, Сирия, Судан, Сомали. Сам Клинтон и его окружение предпочитали пользоваться более политкорректным термином “проблемные государства” (state of concern).

явно видел в нем и в себе самом продолжателей дела главного победителя в “холодной войне”), призвал к власти в первую очередь представителей нового поколения.

Установки неоконсерваторов стали настолько прочными догмами для республиканской партии, что в ее избирательных программах 2000, 2004 и 2008 г. воспроизводились без всяких изменений. И это несмотря на то, что, по оценкам подавляющего числа аналитиков (исключая только все тех же неоконсерваторов) восьмилетняя внешняя политика Буша и его единомышленников сопровождалась провалами и в Афганистане, и в Ираке, в отношениях как с европейскими союзниками, так и с критически (мягко говоря) относящимися к США мусульманскими и латиноамериканскими странами.

Своего рода квинтэссенцией внешнеполитической программы второго поколения неоконсерваторов стал проект “Новый американский век”, целенаправленно навязывавшийся американскому политическому классу начиная с 1997 г.²¹ Речь шла о XXI в., который, согласно неоконсерваторам, должен был стать еще более американским, нежели век предшествующий. Неоконсерваторы обвиняли Клинтона и демократов в отсутствии цельной реалистической программы создания нового миропорядка под руководством США. При сравнении внешнеполитических программ демократов и республиканцев, Клинтона и Буша-младшего обнаруживается пропагандистское лукавство “неоконов” (неоконсерваторов. – В.С.). Республиканцы на самом деле могут быть обвинены даже в заимствовании принципиальных подходов демократов, в частности, важнейшей мессианской идеи В. Вильсона о предназначении США выполнять “интернациональный долг” по руководству демократическим переустройством мира. Неоконсерваторы объявляли себя “демократическими интернационалистами”, но при этом отрекались от связей с Вильсоном и даже доказывали, что являются отнюдь не “идеалистами”, а “реалистами”, т.е. продолжателями подхода Т. Рузвельта, Р. Никсона и Р. Рейгана. Идеологические кульбиты “неоконов” выглядят как причудливая эклектика, которая при ближайшем рассмотрении обнаруживает авантюристический мессианизм.

Один из ведущих “неоконов”, Ч. Краутхэмер, автор идеи (и соответствующего термина) “однополярного миропорядка”, управляемого американской “демократической империей”, доказывал, что, в отличие от вильсоновского “идеалистического интернационализма”, его концепция является подлинно реалистической. Ибо ее автор уповает не на абстрактные гуманистические принципы и схоластическое международное право, а на вполне конкретные национальные интересы США и силу, требуя соразмерять именно с ними управление новым миропорядком. Этот новый внешнеполитический “реализм” отличен не только от вильсоновского идеализма, но и от классической *Realpolitik*, основанной на балансе сил. Новый реализм не преследует цели поддержания баланса сил, поскольку он признает Соединенные Штаты безраздельно господствующей мировой державой, а все другие страны, пусть и ранжируемыми, но клиентами. В отличие же от ветхозаветного, относящегося к вильсоновской эпохе, изоляционизма республиканской партии, новый реализм исповедует интернационализм, но подчиняющийся (в отличие от вильсоновского варианта) национальным интересам США. Несмотря на мировое господство и фактически диктатуру Вашингтона, это-де *демократический* “интернационализм”, поскольку национальным интересам США соответствует миропорядок, вбирающий и умножающий страны, воспринявшие при “помощи” Вашингтона американские демократические и капиталистические ценности²².

²¹ Statement of Principles, June 3, 1997. – <http://www.Newamericancentury.org>. После выборов 2000 г. многие авторы проекта “Новый американский век” получили высокие посты в правительстве Джорджа Буша. Д. Чейни стал вице-президентом США (по мнению аналитиков, “серым кардиналом” правительства), Д. Рамсфелд – министром обороны, П. Вулфовиц – заместителем министра обороны, Дж. Болтон – представителем США в ООН, З. Халилзад – послом США в Ираке.

²² *Krauthammer C. The Unipolar Moment Revisited. – The National Interest, winter 2002/2003, p. 5–17.*

К. Райс, чернокожая “восходящая звезда” “неоконов”, занявшая в правительстве Буша-младшего сначала пост помощника президента по национальной безопасности, а затем и государственного секретаря, во время избирательной борьбы с демократами жестко критиковала Клинтона за ориентацию на тесное сотрудничество с ООН и упование на общечеловеческие ценности: «Тем самым “национальный интерес” подменяют “гуманитарными интересами” или интересами “международного сообщества”. Представление о том, что Соединенные Штаты вправе использовать свою силу лишь ради чужого блага или во имя неких принципов, глубоко укоренено в традиции Вудро Вильсона и находит заметный отклик в политике администрации Клинтона. Разумеется, нет ничего плохого в том, чтобы сделать что-то во благо всего человечества, но это должно быть в определенном смысле побочным эффектом. Ведь если Америка действует, руководствуясь своими национальными интересами, то это само по себе способствует укреплению свободы, рыночной экономики и мира во всем мире. Наша страна после Второй мировой войны преследовала свои собственные национальные интересы, но это сделало мир более процветающим и демократичным... Таким образом, многосторонние соглашения и международные институты не следует рассматривать как что-то ценное само по себе. Никто не отрицает, что для Америки полезны прочные союзы и что наша страна может отстаивать свои интересы в рамках ООН и других международных структур, а также опираясь на хорошо разработанные международные соглашения. Но администрация Клинтона бывает настолько одержима тем, чтобы решать проблемы на многосторонней основе, что подписывает соглашения, противоречащие интересам страны»²³. К таким соглашениям Райс относил в первую очередь Киотский протокол и Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний.

Р. Кейган, другая “восходящая звезда” “неоконов”, доказывал, что США, выполняя свою историческую миссию, имеют право игнорировать не только ООН, но и своих европейских союзников. Ненадежность последних выявилась еще при Клинтоне: “Интересно, решились бы они бомбить Белград в 1999-м, если бы Соединенные Штаты не принудили их к этому?”. Односторонний силовой диктат, постулировал Кейган, обусловлен новыми мировыми реалиями: “Наличие у Америки огромной военной мощи порождает стремление эту мощь использовать. Напротив, военная слабость Европы вызвала к жизни совершенно понятное отвращение к военной силе... после того как необходимость сдерживания СССР отпала, Соединенные Штаты получили возможность вмешиваться в конфликты где угодно и когда угодно”²⁴.

Пренебрежение к сложившимся международным институтам, в том числе союзническим, имело прямое отношение к такой важной новой доктрине, выдвинутой при Буше, как “коалиция желающих”. Она была официально сформулирована во время интервенции США в Ирак в 2003 г., когда ведущие государства НАТО, среди них Франция и Германия, отказались поддержать США (интервенция не была санкционирована и ООН). Вашингтон, поправ волю ООН, осудив или проигнорировав позицию несогласных ведущих стран НАТО, объявил о создании “коалиции желающих” (coalition of willing). “Желающих” оказалось 35, в два раза меньше числа государств, поддержавших интервенцию США в Афганистан в 2001 г., одобренную ООН и НАТО.

Ставка неоконсерваторов на силовое утверждение американского миропорядка имела следствием появление в их арсенале и такой важной новой доктрины, как “смена режимов” (regime change). Формально она была озвучена после 11 сентября 2001 г. и стала известна как *доктрина Буша*. Но фактически доктрина была выработана в 1990-е годы. Уже тогда неоконсерваторы стали рассуждать о *несостоятельных / не состоявшихся* государствах (rogue states, failed states), не способных естественным эволюционным путем трансформироваться в демократические и встроиться в амери-

²³ Райс К. Во имя национальных интересов. – Pro et Contra, 2000, № 2, с. 105.

²⁴ Кейган Р. Сила и слабость. – Pro et Contra, 2002, № 4, с. 129, 135, 133; Kagan R. Power and Weakness. – Policy Review, 2002, № 113, p. 3–28.

канский миропорядок. Таким государствам следовало “помочь”, свергнув в них “порочные” режимы и “даровав” демократию американского образца. Первым среди таких государств неизменно назывался Ирак. Авторы “Нового американского века” за несколько лет до вооруженного вторжения США в Ирак доказывали, что насильственное свержение режима С. Хусейна оправданно, поскольку тот не исправим, permanently угрожает национальным интересам США в Персидском заливе, да и во всем мире²⁵.

Имперские доктрины “неоконов” встретили благоприятный прием у американской общественности, воспитанной на идеях мессианизма. Согласно опросам общественного мнения, проведенного на второй год после прихода к власти “неоконов”, 70% опрошенных заявили, что “Соединенные Штаты должны продвигать демократию во всем мире”²⁶. Но тогда же большинство опрошенных в Центральной и Южной Азии, на Среднем Востоке и в Латинской Америке высказали критическое отношение к американской демократии. В “странах-изгоях” подавляющее большинство опрошенных считали американскую демократию “непрощеной гостьей”²⁷. Американцев эти результаты не интересовали.

Отправным историческим моментом для практической реализации неоконсервативного мессианизма, согласно публицистической, но и реалистической оценке П. Бьюкенена, стали события 11 сентября 2001 г.: “Одиннадцатое сентября изменило Буша. Подобно тому, как его отец обрел призвание после вторжения Ирака в Кувейт, Джордж У. Буш нашел свое призвание на обломках башен-близнецов в Нижнем Манхэттене. Призвание это таково: вести Америку к глобальной войне с терроризмом на протяжении всего срока президентства – и до конца наших жизней”²⁸.

11 сентября 2001 г. четыре гражданских самолета США, выполнявших внутренние рейсы, были захвачены исламскими террористами и направлены на уничтожение важных американских экономических и политических объектов. В результате взрывов были уничтожены башни-близнецы Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, часть зданий Пентагона, погибли 3000 американских граждан, многие были ранены. Буш и его правительство заявили, что за терактами стояла радикальная исламистская “Аль-Каида”, провозгласили целью ее уничтожение и объявили тотальную войну мировому терроризму. Решение американской администрации получило самую широкую международную поддержку, в том числе Москвы – российский президент твердо заявил Бушу о готовности России тесно сотрудничать с Вашингтоном в борьбе против международного терроризма. НАТО единогласно поддержало все необходимые меры, включая военные, союзнической поддержки США. Единодушие в поддержке “всех необходимых мер” для наказания организаторов терактов проявила ООН. Фактически Буш получил от мирового сообщества карт-бланш на ликвидацию “Аль-Каиды”.

Сразу после терактов Буш провел через Конгресс США “Закон о патриотизме”, согласно которому было создано министерство внутренней безопасности с широкими полномочиями по отслеживанию и пресечению в дальнейшем террористической опасности внутри самих США. Закон определенно ограничивал конституционные права американцев, но они были готовы на чрезвычайные меры ради пресечения и искоренения терроризма. Патриотизм в США достиг высшей за многие годы точки, американцы сочли необходимым сплотиться вокруг правительства и во время очередной избирательной кампании в 2002 г. поддержали республиканцев, упрочивших властные

²⁵ Это обстоятельство дало основание аналитикам – сторонникам конспирологической теории – доказывать, что секретные службы США были инициаторами террористической атаки на “башни-близнецы” в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г., поскольку она “развязала” им руки для давно вынашиваемого плана агрессии против Ирака и свержения “отца международного терроризма” Хусейна.

²⁶ *McFaul M. Advancing Democracy Abroad: Why We Should and How We Can. New York, 2009, p. 3.*

²⁷ *Chiozza G. Antiamericanism and the American World Order. Baltimore, 2009, p. 55, 87.*

²⁸ *Бьюкенен П. Правые и не-правые, с. 32.*

позиции и сохранивших режим “объединенного правления”²⁹ на протяжении большей части президентства Буша.

Широкая пропагандистская, политическая и военная кампания против международного терроризма, всеобщий гнев американцев против “Аль-Каиды” скрыли от непосвященного большинства тот факт, что руководство “Аль-Каиды”, как и сама она, были вскормлены в 80-е годы XX в. американскими спецслужбами на деньги американских налогоплательщиков. Следовательно, как минимум часть вины за развитие главной международной террористической организации, отплатившей в изменившихся обстоятельствах “неблагодарностью” Соединенным Штатам, лежала на самом Вашингтоне. Саудовец У. Бен-Ладен, “отец-основатель” и лидер “Аль-Каиды”, прибывший в 80-е годы в Афганистан для организации “интернациональных” антисоветских отрядов моджахедов, получал щедрую финансовую помощь от Центрального разведывательного управления США. После вывода советских войск из Афганистана американская финансовая поддержка Бен-Ладену была резко сокращена, и он начал жаловаться на спонсоров из Вашингтона за явно недостаточную поддержку в восставлении разрушенного Афганистана³⁰.

В начале 90-х годов Бен-Ладен уже решительно поменял политическую ориентацию и объявил главным врагом ислама Запад и Соединенные Штаты. Он помог прийти к власти в Афганистане радикальной исламистской секте Талибан, начал активно создавать антизападные террористические сети в Судане, Йемене, Сомали, Боснии, Чечне. Первые террористические акции против США были осуществлены им в 1993 г. в Сомали, затем последовали теракты против бывшего спонсора в Уганде, Кении, Танзании. Наконец, в 2001 г. удар Бен-Ладена был нанесен в самих США.

После 11 сентября Буш незамедлительно предъявил афганскому Талибану ультиматум о выдаче Бен-Ладена и ликвидации в стране баз “Аль-Каиды”. Талибан отказался, и США при поддержке союзников по НАТО в течение нескольких недель сокрушили радикальный исламистский режим, заменив его на лояльное правительство Х. Карзая. Но Бен-Ладен пойман не был, как не были ликвидированы и основные боевые силы Талибана, перешедшие к затяжной позиционной партизанской и террористической войне против воинских контингентов США и их союзников, а также против правительства Карзая. Как выяснилось достаточно быстро, подавление антиамериканского режима в Афганистане не означало ликвидации антиамериканских настроений среди масс населения. Массовая поддержка талибов в стране не исчезла. Они сохранили поддержку и в соседнем Пакистане, куда, как выяснилось позже, перебрался и где весьма надежно обосновался Бен-Ладен.

США предприняли огромные усилия, чтобы вовлечь Пакистан в партнеры и даже союзники. Они закрыли глаза на отказ Пакистана одобрить договор о нераспространении ядерного оружия и на продолжение Исламабадом разработки ядерных программ в военных целях. Неукоснительно поддерживался незаконно пришедший к власти генерал П. Мушарраф, опиравшийся на щедрую американскую финансовую помощь, авторитарные методы управления и собственную армию. Но антиамериканское влияние ислама как в Афганистане, так и в Пакистане не ослабевало. США одержали быструю военную победу над режимом Талибана, но шансов одержать цивилизационную победу над исламом на Среднем Востоке у них не было.

²⁹ “Объединенным правлением” в США считается такое, при котором правящей партии принадлежит не только президентский пост, но и большинство мест в обеих палатах конгресса. Иной вариант называется “разделенным правлением”. Он существовал на протяжении большей части президентства Б. Клинтона, что объясняет отклонение Конгрессом целого ряда важнейших инициатив, законопроектов, договоров президента США, среди них Киотского протокола, Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, законопроекта об обязательном государственном медицинском страховании.

³⁰ Hook S.W., Spanier J. *American Foreign Policy Since World War II*. Washington, 2004, p. 337.

События 11 сентября позволили Бушу-младшему развить риторику, ставившую президента на один уровень с кумиром Р. Рейганом. Рейган объявил “крестовый поход” против мирового коммунизма. Буш-младший, едва став президентом, начал собственный “крестовый поход”³¹ – против мирового терроризма. Рейган нацелился на разрушение “империи зла” – СССР. Буш-младший после победы в Афганистане объявил об исторической задаче ликвидации “оси зла” (axis of evil) – Ирака, Ирана, Северной Кореи. Выступив идеологическим двойником Рейгана, Буш-младший стал упорно доказывать, что новое мировое зло борется с Соединенными Штатами по единственной причине – ненависти к американской демократии и свободе. Это было полуправдой. Радикальный ислам, поставивший основные силы для мирового терроризма, действительно выступил как непримиримый враг американской демократии, но не потому, что Америка жила по ее нормам, а по той очевидной причине, что США твердо вознамерились распространить свои ценности во всем мире, отказаться от цивилизационно-культурного плюрализма, подчинив себе наряду с другими мусульманские страны, исповедовавшие ценности, противоположные американским. Исламский радикализм вознамерился дать этому “крестовому походу” не менее жесткий отпор, нежели тот, который был дан мусульманским миром средневековому христианскому “крестовому походу”.

Хотя первым объектом тотальной антитеррористической войны США оказался Афганистан, “неоконы” видели главную цель в уничтожении режима Саддама Хусейна в Ираке. Сразу после событий 11 сентября 2001 г. Буш, модернизируя доктрину национальной безопасности, включил в нее понятие “превентивная война”, предполагавшее нанесение сокрушительных ударов по стране-противнику, даже если она непосредственных агрессивных действий не совершала, но признавалась представляющей серьезную опасность для США. Превентивная война против Саддама Хусейна фактически началась до принятия этой доктрины. Военные удары США и его главного союзника, Великобритании, с нарастающей интенсивностью наносились по Ираку с 1998 г. “Неоконы” с 1997 г. требовали вторжения в Ирак и “смены режима” в этой стране. Хусейн, проявлявший в отношениях с США самоуверенность, осенью 2002 г. дрогнул и дал согласие на возвращение международных инспекторов в Ирак для поиска возможных хранений ОМУ. Инспекторы, как и прежде, следов ОМУ обнаружить не смогли. Но американская администрация настаивала на том, что оно есть. Всё чаще она стала ссылаться на разведанные, якобы имевшиеся у ЦРУ (хотя директор ЦРУ осенью 2002 г. докладывал президенту страны, что доказать наличие в Ираке ОМУ не удастся).

“Неоконы”, удерживавшие прочное большинство в правительстве США, настаивали не только на том, что Хусейн располагал ОМУ, но и утверждали, будто он является главным спонсором “Аль-Каиды”. Только государственный секретарь К. Пауэлл доказывал, что это не соответствует действительности, предлагая и далее полагаться в противоборстве с Хусейном на дипломатические методы³². На Пауэлла было оказано мощное давление (особенно упорно “обрабатывала” его К. Райс). “Голубь” сдался. По иронии судьбы, именно Пауэлл, выступая в феврале 2003 г. в Совете Безопасности ООН, доказывал, что ОМУ в Ираке есть (впоследствии он признал, что приведенные им данные были подтасовкой или прямой фальсификацией). Совбез не дрогнул и санкций на “превентивную войну” против Ирака не дал.

Намерения Буша вторгнуться в Ирак были осуждены руководителями ведущих стран НАТО – канцлером ФРГ Г. Шрёдером и президентом Франции Ж. Шираком. Войну против Ирака решительно осуждала Россия. Но остановить “неоконов” было

³¹ Идея “нового крестового похода” формулировалась не только “неоконами”, но и рядом политтехнологов, близких к демократической партии, например, М. Макфолом, сотрудничавшем тогда с Фондом Карнеги (*Шаклеина Т.А.* Внешнеполитические дискуссии в США: поиски глобальной стратегии. – США. Канада. Экономика. Политика. Культура, 2002, № 10, с. 3–15).

³² *Woodward B.* Bush at War. New York, 2002, p. 60–61.

невозможно. Они объявили о создании “коалиции желающих”, в которую, помимо прочих, вошли бывшие советские республики Грузия и Украина. 17 марта США предъявили Хусейну требование покинуть страну в течение двух суток и после его отказа, 20 марта, осуществили массированное вторжение в Ирак. Военная победа над Ираком была достигнута еще быстрее, чем над Афганистаном. Уже 15 апреля весь Ирак, включая Багдад, лежал у ног Соединенных Штатов. У Буша от успехов вскружилась голова, и он выдвинул план “демократизации Большого Ближнего Востока” (в него, помимо собственно Ближнего Востока, был включен и Средний Восток, т.е. Афганистан, Пакистан и Иран).

Но уже через полгода “демократическая революция” в Ираке застопорилась, демонстрируя правоту одного из американских конгрессменов, который, цитируя К. фон Клаузевица, предупреждал президента США: “Первый шаг не может быть сделан без всестороннего предвидения последнего шага”³³. Распустив военные и гражданские структуры саддамовского Ирака, американское командование навлекло на себя гнев десятков тысяч бывших иракских госслужащих, обратившихся к саботажу, диверсиям и, наконец, настоящей партизанской войне. Организованные американским командованием в январе 2005 г. первые за многие десятилетия свободные парламентские выборы в Ираке привели к власти шиитов, составлявших 65% населения мусульманского Ирака, и отстранили от нее суннитов, которые безраздельно господствовали в государственных органах в период Хусейна. Одобренная затем посредством всенародного референдума конституция Ирака закрепляла ведущую роль в политике за шиитами. На новых парламентских выборах в конце 2005 г. шиитские партии в союзе с курдами получили в 3,5 раз больше мест в высшем законодательном органе, нежели сунниты. Оскорбленные и униженные, сунниты начали гражданскую войну против “обидчиков”, не стесняясь привлекать на свою сторону террористов, в первую очередь из “Аль-Каиды”, которая теперь, в отличие от периода Хусейна, действительно стала распространять свое влияние в стране. Сунниты и шииты начали истреблять друг друга в масштабах, многократно превосходящих потери Ирака в войне с самими США. Конца кровавой гражданской войне, вызванной “демократической революцией” Буша-младшего, не было видно.

Американские части в Ираке также несли потери. Многие американцы начали сравнивать иракскую войну с вьетнамской. В ходе выборов в Конгресс США в ноябре 2006 г. республиканская партия впервые за 12 лет утратила большинство в обеих палатах. Бушу пришлось отправить в отставку министра обороны, “неокона” Рамсфелда. В последний год пребывания Буша у власти американцы перешли в Ираке к пассивной тактике. Пришедший к власти в начале 2009 г. президент от демократов Б. Обама поставил целью вывести войска из Ирака, что было сделано к концу 2012 г. По официальным данным, потери американских войск в Ираке составили 4,5 тыс. убитыми и более 32 тыс. ранеными. Потери иракского населения точному подсчету не поддавались, но по данным любой статистической службы, они в десятки раз превосходили цифры погибших американцев. Они увеличивались по завершении американской агрессии, ибо ее главное “наследие” в Ираке – гражданская война – продолжалась без каких-либо признаков завершения.

При Буше-младшем продолжали ухудшаться отношения США с Ираном. Иранский вождь аятолла Али Хаменеи после 11 сентября 2001 г. осудил теракты против США. Но уже через несколько месяцев отношения двух стран вернулись на “круги своя”, и в начале 2002 г. Буш включил Иран в “ось зла”. Иранский президент-“реформатор” М. Хатами не сумел добиться смягчения американских санкций США против Ирана, а избранный в 2005 г. новым президентом М. Ахмадинижад вернул к жизни программу обогащения урана, законсервированную предшественником. Поскольку Ахмадинижад к тому же отрицал право на существование Израиля и не сдерживался в выражениях

³³ Jones H. Crucible of Power. A History of American Foreign Relations from 1945. Lanham (Md.), 2009, p. 340.

по адресу Америки, Вашингтон еще более ужесточил режим санкций против Тегерана, настраивая себя и союзников на прямой удар по Ирану, как только тот перейдет допустимую черту в разработке ядерной программы.

Сложно складывались отношения США с Пакистаном, в котором Вашингтон видел один из главных объектов программы “Расширения демократии” на Большом Ближнем Востоке. Генерал Мушарраф, пришедший к власти в Пакистане в результате переворота 1999 г., обязался в ответ на признание его режима Вашингтоном, также как и за щедрую финансовую помощь и согласие на обладание Исламабадом ядерным оружием, бороться с исламистскими террористами. Он мог делать это в рамках жесткого авторитарного режима, поскольку восстановление прежних демократических начал, а тем более их развитие при наличии широкой поддержки радикального ислама внутри страны могло привести к власти именно радикальных исламистов. Вашингтон оказался в затруднительном положении. С одной стороны, он следовал в отношениях с Мушаррафом известной рузвельтовской формуле “он сукин сын, но это наш сукин сын”, а с другой, имея во внешнеполитической повестке “расширение демократии” на Большом Ближнем Востоке, вынужден был требовать от генерала отказа от авторитаризма.

В 2001 г. Мушарраф, выбив согласие у Верховного суда и парламента страны, провозгласил себя президентом Пакистана. Радикальные исламисты организовали серию покушений на Мушаррафа. Генерал-президент ответил жесткими судебными расправами, включавшими смертную казнь противников через повешение. Но против Мушаррафа выступали не только радикальные исламисты. Жесткой критике подвергла его Б. Бхутто, вернувшаяся на родину глава Народной партии.

В октябре 2007 г., после того как Мушарраф одержал победу на президентских выборах, оппоненты во главе с Бхутто объявили результаты антиконституционными, поскольку, согласно Основному закону страны, только гражданское лицо могло быть президентом. Оказавшись меж двух огней – террористами-исламистами и демократической оппозицией, – президент-генерал ввел в стране чрезвычайное положение. Мушарраф отправил в отставку Верховный суд, объявивший его действия противозаконными, и заключил под домашний арест Б. Бхутто. Последняя не подчинилась, продолжив оппозиционную деятельность и апеллируя к поддержке народа. Против главы Народной партии были организованы два покушения. Второе, в конце 2007 г., закончилось убийством Бхутто.

Мушарраф осудил убийство главного политического оппонента и отказался от военных постов, став “чисто” гражданским президентом. Демократическая оппозиция, как и США, требовали большего – отмены чрезвычайного положения. В ответ Мушарраф провозгласил доктрину особого национального пути к демократии, но ни США, ни национальный парламент с такой доктриной не согласились, а пакистанские законодатели и судьи пригрозили ему импичментом. Лишившийся поддержки США и Запада Мушарраф в августе 2008 г. был вынужден уйти в отставку³⁴. “Результативность” “продвижения демократии” в Пакистане, Афганистане, Ираке была вполне сопоставима, т.е. практически равнялась нулю. Оценки большинства американских аналитиков и избирателей были негативными. Но оценки Буша и “неоконов” были неизменно позитивными и высокими. Буш и его сторонники стали заносить эти раздираемые кровавыми конфликтами страны в разряд демократических.

Противоречивыми, включавшими определенное улучшение, но и перманентное напряжение, были отношения США с Россией, главным крупным критиком Вашингтона на мировой арене. Идя к власти, “неоконы” ставили в вину Клинтону и демократам

³⁴ Мушарраф должен был эмигрировать в Лондон. На родине против него были заведены два уголовных дела – о незаконном смещении верховных судей и причастности к убийству Б. Бхутто. В августе 2013 г. он вернулся на родину для участия в президентских выборах, но сколько-нибудь широкой поддержкой заручиться не смог. В октябре того же года был арестован по второму из упомянутых дел.

“мягкотелую” политику в отношении Москвы, прежде всего пассивную роль в “движении демократии” как в самой России, так и на постсоветском пространстве в целом. Но после событий 11 сентября 2001 г. позиция Буша в отношении России смягчилась. Главная причина заключалась в принятии Москвой дипломатии “сближения” с Вашингтоном. Российский президент В.В. Путин после терактов в США первым из мировых лидеров позвонил Бушу и предложил самое тесное партнерство в борьбе с мировым терроризмом. Это соответствовало интересам Москвы. Коалиция с Соединенными Штатами в борьбе с мировым терроризмом, признанным обеими державами главным злом, позволяла считать ими чеченских боевиков, которые к тому времени тесно сомкнулись с радикальным исламом, и снять или хотя бы смягчить острую критику Вашингтоном и Западом вообще российской политики в отношении Чечни.

Буш одобрил инициативу российского президента. Между Вашингтоном и Москвой наступил краткий период “новых отношений”. 13 ноября 2001 г. В.В. Путин и Дж. Буш подписали заявление: “Наши страны вступили на путь новых отношений для XXI столетия, основанных на приверженности ценностям демократии, свободному рынку и верховенству закона”³⁵. В мае 2002 г. в ходе визита Буша в Россию был подписан Договор о стратегическом партнерстве, охватывавший практически все зоны земного шара, где укоренились террористические сети, включая Афганистан, Центральную Азию и Кавказ. Россия последовательно выполняла этот договор, согласившись на создание американских военных баз в прилегающих к Афганистану бывших советских республиках, на обеспечение транзита натовских грузов в Афганистан через воздушное пространство России. Но и США пошли на уступки России, причисляя отныне террористические отряды на Северном Кавказе не к борцам за свободу и независимость, а к пособникам и боевикам радикального ислама.

Был сделан шаг в дальнейшем сокращении стратегических вооружений. Стороны подписали Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов, по которому количество ядерных боезарядов каждой из держав сокращалось, по сравнению с предшествующим договором СНВ-2, почти вдвое – до 1700–2200 единиц³⁶. Правда, договору были присущи серьезные недостатки, главные среди которых заключались в том, что не предусматривалось соответствующего контроля за сокращением ядерного потенциала, а США имели возможность не уничтожать, а складировать сокращаемые боезаряды. К тому же в том же 2002 г. “неоконцы” добились выхода США из договора по ПРО 1972 г., сохранение которого для российской стороны всегда было условием соблюдения договоров о сокращении наступательных ядерных вооружений. США приступили к переговорах с “молодыми” членами НАТО, Польшей и Чехией, о размещении на их территориях новых модернизированных систем ПРО, что было уже совершенно неприемлемо для России. Российские варианты компромисса по ПРО Вашингтоном категорически отвергались. Конгресс США по-прежнему отказывался ратифицировать подписанный Вашингтоном в период президентства Клинтона Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и “заморозил” практически все иные важные договоры и инициативы по сокращению разнообразных видов вооружения³⁷. Сами США активно разрабатывали новые высокотехнологичные вооружения, например, беспилотные “дроны”, впервые использованные во время афганской войны.

Напряженность в отношениях США и России усилилась в связи с интервенцией США в Ирак весной 2003 г. Россия отказалась поддержать США. Большинство россиян выказали откровенно антиамериканскую позицию, которая была смягчена после

³⁵ Системная история международных отношений в 4 т. Под ред. А.Д. Богатурова, т. 4. Документы. 1945–2003. М., 2004, с. 562.

³⁶ Там же, с. 562–565.

³⁷ *Арбатов А.Г.* “Потерянное десятилетие” в контроле над вооружениями. – Международные процессы, 2007, № 2, с. 107–110; *его же.* Военно-политические аспекты отношений США с Россией. – Международные процессы, 2009, № 1, с. 33–42.

того, как В.В. Путин заявил, что “Россия не заинтересована в поражении США”³⁸. Напряженность только возросла, когда выяснилось, что США намерены реализовать проект “Продвижение демократии” на постсоветском пространстве. Сначала Вашингтон поддержал оппозиционеров Грузии, где проамериканский политик М. Саакашвили организовал “революцию роз” против Э. Шеварднадзе, который в период горбачевской перестройки также был фаворитом Вашингтона, но утратил доверие в постсоветский период. В ноябре 2003 г. Саакашвили, выпускник престижного Колумбийского университета в США, воспользовавшись злоупотреблениями правящего режима в ходе парламентских выборов, сумел при помощи энергичного натиска на престарелого президента отстранить его от власти. Новый грузинский вождь целенаправленно стремился превратить США (с их согласия) в “империю по приглашению”³⁹. Саакашвили пригласил американских консультантов для обучения грузинской армии, активно приобретал за деньги налогоплательщиков США американское вооружение, а позднее назвал одну из центральных магистралей Тбилиси именем президента Соединенных Штатов.

В 2004 г. “цветная” (“оранжевая”) революция произошла на Украине. Она развивалась в рамках напряженных президентских выборов, продолжавшихся из-за крайне противоречивых результатов с ноября 2004 по январь 2005 г. В конечном итоге фаворит Москвы В.Ф. Янукович потерпел поражение, а победил проамерикански настроенный политик В.А. Ющенко. США приветствовали победу Ющенко, и Украина вместе с Грузией стали рассматриваться в качестве кандидатов для нового расширения НАТО.

Воодушевленные успехом в Грузии и на Украине, “неоконы” попытались “продвигать демократию” в среднеазиатские республики. В 2005 г. последовала “революция тюльпанов” в Киргизии, в результате которой был свергнут режим А. Акаева, но достаточно скоро выяснилось, что “продвижение демократии” в Центральной Азии порождало смену одного коррупционного режима другим. Кроме того, правительства других стран Центральной Азии, извлекая урок из “революции тюльпанов”, предприняли необходимые меры, чтобы не допустить в свои границы “продвижения демократии”. Россия отреагировала на “цветные революции” резким усилением антиамериканской пропаганды, сделала упор на недопустимости одностороннего управления новым миропорядком со стороны Вашингтона, на признании решающей роли в разрешении международных конфликтов за ООН и Советом Безопасности. Утверждения Вашингтона о “бессилии” и “ненужности” ООН были категорически отвергнуты⁴⁰.

Российский президент В.В. Путин в Послании Федеральному собранию 10 мая 2006 г. категорически заявил: “Подчеркну: в условиях глобализации, когда определяется новая международная архитектура, кардинально возрастает и роль Организации Объединенных Наций. Это самый представительный и универсальный мировой форум, и он продолжает оставаться несущей конструкцией современного мирового порядка”. В отношении одностороннего управления мировыми делами США была

³⁸ В то же время ряд российских политтехнологов высказывались в пользу присоединения России к “коалиции желающих”, не видя альтернативы американской гегемонии в обеспечении стабильного миропорядка. См., например: *Злобин Н.* Место в истории или рейтинг. – Известия, 11.IV.2003; *Караганов С.* Уроки иракской войны. Москва не должна делать ООН инструментом борьбы с Вашингтоном. – Известия, 13.V.2003.

³⁹ В XX в. известно немало примеров того, как государства разных континентов добровольно обращались к США за поддержкой, устремлялись в созданные и руководимые ими экономические и финансовые международные организации, а также в военно-политические союзы. Норвежский исследователь Г. Лундестад, анализируя это явление, назвал США “империей по приглашению” (это определение нашло понимание и широкое признание в научной литературе). – *Lundestad G.* Empire by Invitation? – The United States and the Western Europe, 1945–1952. SHARF Newsletter, № 15, september 1984; *Лундестад Г.* Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики. 1945–1996. М., 2002, с. 14.

⁴⁰ *Лавров С.* Архитектура завтрашнего мира. Современная демократия, международное управление и будущее человеческого сообщества. – Российская газета, 11.II.2005.

использована яркая метафора: “Как говорится, товарищ волк знает, кого кушать. Кушает и никого не слушает. И слушать, судя по всему, не собирается”⁴¹. Российский президент отверг американское монопольное лидерство в современном мире в речи в Мюнхене 12 февраля 2007 г. на международной конференции по вопросам политической безопасности. Что касается “демократического транзита” в других странах, то В.В. Путин в качестве образцовой модели представил опыт России, в которой, по его определению, “произошел мирный переход к демократии”⁴².

Связанные с кремлевским руководством политики и политтехнологи в рамках стратегического противоборства с США стали разрабатывать новые внутри- и внешнеполитические концепции. В отличие от концепции “новых отношений”, одобренной российским и американским президентами 13 ноября 2001 г. и подчеркивавшей приверженность общим ценностям демократии и свободного рынка, эти концепции обосновывали “уникальность российской цивилизации”, ее евразийский характер и защищали модель “суверенной демократии” как для России, так и для других стран. Доказывалось, что “суверенная демократия” одобрена не только Россией, но и великим Китаем⁴³.

Высшей точки напряженные отношения Вашингтона и Москвы достигли в начале августа 2008 г. Грузинский президент М. Саакашвили, опиравшийся на поддержку Вашингтона (но предостерегавшийся им от авантюристических шагов), решил, вопреки совету спонсора, одним внезапным военным ударом вернуть под власть Тбилиси Южную Осетию (она, как и Абхазия, сумела за несколько лет до того освободиться от власти великодержавных грузинских шовинистов и объявить о государственной независимости). 8 августа ночью Саакашвили отдал приказ грузинской армии, подготовленной американскими специалистами и оснащенной американским оружием, захватить Южную Осетию. Однако пришедшая на помощь Южной Осетии Россия сумела энергично “принудить к миру” грузинского авантюриста. В осетинской войне США, как и Запад в целом, приняли сторону “союзника” Саакашвили, хотя и не осмелились оказать ему прямую военную помощь. Лидеры стран НАТО выступили в роли миротворцев, добившись мира для Грузии с возвращением ее на исходные позиции. Южная Осетия и Абхазия в результате только упрочили свою независимость.

Буш и “неоконы” не могли простить России ее усиления в качестве регионального лидера на постсоветском пространстве. Грузинская проблема вышла на первое место среди противоречий между Вашингтоном и Москвой и оставалась таковой вплоть до прихода к власти в США демократической партии и Б. Обамы, одобдивших “перезагрузку” американско-российских отношений, одним из следствий которой явилось перемещение грузинской проблемы на второй план.

Более осторожным было отношение “неоконов” к политическому “непослушанию” Китая. Американские корпорации продолжали активное инвестирование капиталов в Китай, да и собственный предпринимательский класс Поднебесной набрал силу, что позволило стране постоянно расширять присутствие на рынке США, активно внедряться в экономику всех континентов, регионов, стран. Американцы отдавали предпочтение дешевым и не менее качественным, чем отечественные, китайским товарам, что позволило американским потребителям только в 1995–2005 гг. сэкономить 600 млрд долл.⁴⁴ Китай стал крупнейшим в мире экспортером не только одежды и обуви, но и информационно-коммуникационных технологий. Китайский национальный бизнес теснил западные страны в Восточной Азии, а также в Латинской Америке,

⁴¹ Путин В. Послание Федеральному собранию 10 мая 2006 года. – Российская газета. 11.V.2006.

⁴² Выступление президента России на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля. – Российская газета, 12.II.2007.

⁴³ Мигранян А. Концепция суверенной демократии шагнула за границу России. – Российская газета, 12.X.2007.

⁴⁴ Внешняя политика администрации Б. Обамы (2009–2012 гг.). М., 2012, с. 178.

на Ближнем Востоке. Методы проникновения Китая в экономику Ближнего Востока, как отмечал З. Бжезинский, имели принципиальное и выгодное отличие от методов США: “Чтобы здесь обеспечить себе достойное место, Китай подчеркивает, что он может стать надежным потребителем нефти, конкурентоспособным поставщиком потребительских товаров, а также вооружений и дружеским политическим партнером. В отличие от США в последние годы Китай не третирует авторитарных правителей и не допускает высокомерного отношения к религии и культуре других народов. Арабы вряд ли могут услышать от Китая заявления в менторском тоне, ставшем торговой маркой внешнеполитических деклараций Буша”⁴⁵.

Китай зависел экономически от США, но и Соединенные Штаты – как корпорации, так и всё население – серьезно зависели от китайской экономики. В силу этой важной причины Вашингтон неизменно обеспечивал Китаю режим наибольшего благоприятствования в торговле, чего тщетно добивалась Россия. Так же радикально отличалась позиция Вашингтона относительно сроков и условий приема во ВТО двух его главных мировых политических оппонентов: “России были предъявлены требования, в частности Соединенными Штатами, превышавшие те, что были поставлены перед Китаем, который стал членом этой организации в 2001 г.”⁴⁶

Но отношения США с Китаем не были безоблачны. Китай, стремительно наращивавший экономическую мощь, не только становился серьезным соперником Соединенных Штатов на мировых рынках, но и все более уверенно претендовал на самостоятельную роль в мировой политике, оспаривая притязания Вашингтона на утверждение “однополярного” миропорядка. Наибольшую твердость Пекин проявлял в отстаивании своего приоритета в решении тайваньской проблемы. И добивался ощутимых результатов в противоборстве с “непреклонными” защитниками государственного суверенитета Тайваня, каковыми представляли себя “неоконы”: «Белый дом продолжал поставки вооружения Тайбэю, хотя и в тщательно дозированном объеме: вместо запрошенных новейших эсминцев, оснащенных системами ПРО “Aegis”, Тайвань получил современные вооружения, не нарушавшие общий баланс сил в Тайваньском проливе»⁴⁷.

Китай успешно укреплял свое политическое влияние в Восточной Азии, став “главным игроком в шестисторонних переговорах с Северной Кореей” об условиях ограничения ее ядерной программы. Этим дело не ограничилось: “Вскоре Китай стал также и ключевым участником дискуссий, ведущихся между США, Великобританией, Францией, Германией и Россией по вопросу о риске, связанном с ядерной программой в Иране”⁴⁸. Пекин еще более сблизился с Россией в общей цели сдерживания американской мировой гегемонии, что позволило двум странам блокировать интервенционистские инициативы США в Совете Безопасности ООН. Вместе с Россией Китай упрочивал в 2000-х годах Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), ставшую заметным ограничителем американского влияния в Средней Азии. В то же десятилетие Китай принял активное участие в объединении группы быстроразвивающихся стран – Бразилия, Россия, Индия, Китай (БРИК), стремящейся усилить свою экономическую роль и геополитическое влияние в мире. Наконец, в то же десятилетие Китай вместе с Россией принял активное участие в становлении “большой двадцатки” стран мировой экономики, которая, хотя и была создана в 1999 г. по инициативе высокоразвитых государств “восьмерки”, постепенно превращалась в альтернативу последней в качестве регулятора и координатора мировой финансовой стратегии, а со временем и острых политических проблем. Таким образом, сдерживались и блокировались попытки аме-

⁴⁵ Бжезинский З. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М., 2007, с. 174.

⁴⁶ Мэтлок Дж. Сверхдержавные иллюзии. Как мифы и ложные идеи завели Америку не в ту сторону – и как вернуться в реальность. М., 2011, с. 291.

⁴⁷ Печатнов В.О., Манькин А.С. Указ. соч., с. 628–629.

⁴⁸ Бжезинский З. Указ. соч., с. 171.

риканских “неоконов” утвердить свою страну в качестве монопольного “мирового шерифа” и свести на нет роль международных организаций и институтов.

Буш-младший и его единомышленники вполне осознавали опасность политическо-го возвышения Китая. Учитывая его экономическую мощь, они стали рассматривать Поднебесную как более опасного соперника, нежели Россию. Вашингтоном предпринимались усилия по созданию “сдержек и противовесов” государству, в перспективе имевшему шанс стать новой сверхдержавой. В качестве одного из противовесов была избрана Индия, у которой с Китаем имелись традиционные серьезные противоречия. В 2005 г. Вашингтон заключил с Индией соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности и начал вытеснять Россию с индийского рынка обычных вооружений. В 2006 г. Буш подписал с руководством Индии договор, позволивший стране перевести на новый качественный уровень свою ядерную программу, хотя Дели уже располагал ядерным оружием и не присоединился к договору о его нераспространении. В 2008 г., несмотря на протесты Китая и Пакистана, Конгресс США одобрил соглашения Буша с Индией⁴⁹.

Серьезными осложнениями сопровождались отношения США с Латинской Америкой. В период президентской кампании 2000 г. Буш-младший объявил отношения с Южной Америкой важнейшим приоритетом республиканской партии и декларировал: “С настойчивостью и мужеством мы сделали прошлый век веком Соединенных Штатов. С нашим лидерством и убежденностью мы превратим новый век в век Америк”⁵⁰. Высокопарная декларация означала подключение Латинской Америки к процессу глобализации под руководством США и “продвижение демократии” в южноамериканских странах по североамериканской модели.

Первым делом администрация Буша начала активно продвигать план “Американской зоны свободной торговли” (АЛКА) по образцу европейского “Общего рынка”. Основой общеамериканского Общего рынка должна была стать НАФТА – Североамериканская ассоциация США, Канады и Мексики, к которой должны были подключиться два десятка государств Южной и Центральной Америки. Буш и его команда приложили огромные усилия для создания Общеамериканского альянса свободной торговли. Было проведено множество конференций, двусторонних переговоров с разными странами Латинской Америки, рассмотрено, пересмотрено и уточнено много пунктов и условий, но в конечном итоге, что выяснилось уже в конце первого президентского срока Буша-младшего, практической реализации плана не получалось⁵¹.

Причина заключалась в том, что латиноамериканские страны не сомневались: в выигрыше в случае одобрения плана окажутся США, а все латиноамериканские страны будут в проигрыше, как это произошло с Мексикой. Общие показатели Мексики за 10 лет существования НАФТА улучшились, но, как говорили многие аналитики, то был “рост без развития”, сопровождавшийся перманентным нарастанием разрыва в доходах и в положении узкого верхнего класса и большинства мексиканского населения, обострением проблемы массовой бедности и нищеты, деградацией медицинского обслуживания, образования, культуры. Североамериканские ТНК создавали в Мексике предприятия, на которых мексиканские трудящиеся получали зарплату в десятки раз ниже рабочих США. Отток трудовых эмигрантов из Мексики в Соединенные Штаты не только не уменьшился, но даже резко возрос. Таких последствий “единого свободного рынка” с США южноамериканские страны не хотели.

Они предпочли упрочение и развитие собственной южноамериканской зоны свободной торговли, созданной еще во второй половине 1980-х годов. “Общий рынок стран Южной Америки” (Меркосур – исп. Mercado Comum do Sul) формировался под эгидой двух крупнейших южноамериканских стран – Бразилии и Аргентины. Он демонстрировал желание Южной Америки идти по выгодному именно для нее пути

⁴⁹ Печатнов В.О., Манькин А.С. Указ. соч., с. 629.

⁵⁰ Цит. по: Сударев В.П. Две Америки после окончания холодной войны. М., 2004, с. 93.

⁵¹ Подробнее см.: Там же, с. 95–113.

экономической интеграции, а в случае с Бразилией и Аргентиной – стремление стать самостоятельными региональными лидерами. К середине 2000-х годов Меркосур объединил страны, насчитывавшие более половины населения Латинской Америки.

Еще более важным для укрепления независимого экономического и политического курса латиноамериканских стран явилось нараставшее разочарование в неолиберальном Вашингтонском консенсусе⁵². К началу 2000 г. выяснились его губительные для Латинской Америки экономические и социальные последствия, главные среди которых – все более зависимое от стран Запада во главе с США экономическое развитие и социальная деградация. Наличие в странах Латинской Америки политической демократии позволило большинству избирателей пресечь этот процесс и привести к власти левые партии. В 1998 г. президентом Венесуэлы был избран У. Чавес (переизбран в 2006 и 2012 годах). В 2002 г. президентом Бразилии стал лидер Партии трудящихся Л.И. Лула да Силва (переизбран в 2006 г.). В 2003 г. в Аргентине президентское кресло занял Н. Киршнер, левый перонист, лидер “Фронта за победу”. В Боливии в 2005 г. на президентских выборах победил лидер партии “Движение к социализму” Э. Моралес. В Уругвае в том же году “левым” президентом был избран Т. Васкес, лидер объединения “Прогрессивная встреча – Широкий фронт”.

Подлинным триумфом левых в Латинской Америке ознаменовался 2006 г. В Чили победу на президентских выборах одержала социалистка, последовательница С. Альенде М. Бачелет. В Никарагуа к власти вернулся Д. Ортега. В Перу победил лидер апристской партии умеренный социалист А. Гарсиа. Умеренный социалист О. Ариас взял верх в Коста-Рике. В Гаити к власти пришел Р. Преваль, лидер левой партии “Надежда”, а в Эквадоре – Р. Корреа, также лидер левого движения. Большинство политических триумфаторов были умеренными социалистами (радикалами были президенты Венесуэлы, Боливии, к ним были близки руководители Никарагуа и Эквадора). Но все они отстаивали модель развития, альтернативную по отношению к вашингтонской. Широкая национализация основных отраслей, расширение социальных расходов в интересах средних и особенно нижних слоев, экономическая интеграция с первоочередным учетом своих национальных интересов – вот стержень их программ.

Углубляя экономическую интеграцию и политическое единение, 12 латиноамериканских государств создали в 2004 г. Союз южноамериканских стран (Унасур – UNASUR) с более широким составом, нежели Меркосур. Подписание декларации было приурочено к 180-летию исторической победы С. Боливара над Испанией. В 2008 г. на саммитах Унасур в Бразилии было принято решение о создании регионального парламента и учрежден Южноамериканский совет обороны. Латиноамериканские радикалы У. Чавес и Ф. Кастро в 2004 г. учредили “Боливарианский альянс для народов нашей Америки”, в который к 2009 г. вошло восемь государств – невиданное число для радикального политического объединения в Латинской Америке.

Для Буша-младшего и “неоконов” эти процессы оказались непредвиденной политической катастрофой, равнозначной провалу их модели “продвижения демократии” и экономической глобализации в Латинской Америке. Они смогли ответить не более чем невразумительными маневрами, но оказались не в состоянии отстранить от власти ни одного из не угодных им политических лидеров.

Администрация Буша-младшего не смогла добиться прогресса в традиционно патронируемом США процессе израильско-палестинских отношений. Более того, эти отношения ухудшились. Ухудшение явилось в определенной степени “оборотной стороной” провозглашенной США войны против исламского терроризма. Радикальная исламская группировка ХАМАС, упрочившая позиции в Организации освобождения

⁵² Вашингтонский консенсус был навязан латиноамериканским странам на исходе “холодной войны” Соединенными Штатами, МВФ и Всемирным банком как единственный “безошибочный” путь экономического развития. Он включал типичные неолиберальные принципы: минимальный дефицит бюджета, предельно низкие ставки налогов, либерализация финансовых рынков, свободный обменный курс национальной валюты, тотальная приватизация и др.

Палестины (ООП) еще в предшествующий период, после 11 сентября 2001 г. резко усилила террористическую деятельность против Израиля, главного союзника США на Ближнем Востоке. Лидер ООП Я. Арафат не смог справиться с ХАМАС и фактически был отстранен от руководства Палестинской автономией⁵³. После этого США при участии стран Западной Европы и России способствовали приходу к руководству ООП представителя ее умеренного крыла М. Аббаса. В 2003 г. на трехсторонней встрече руководителей США, Израиля и Палестины была одобрена новая “дорожная карта”, включавшая серьезные уступки со стороны Израиля. Тель-Авив впервые признал оккупированными арабские территории, захваченные им в 1967 г., согласился на создание “непрерывного” (т.е. не разделенного на отдельные части) Палестинского государства и на демонтаж значительной части израильских поселений на оккупированных территориях. Но ХАМАС эти уступки только вдохновили на дальнейшее углубление “Второй интифады”, как она обозначалась палестинцами, против Израиля.

ХАМАС усилил свое влияние среди рядовых палестинцев. В 2006 г., во время демократических парламентских выборов в Палестинской автономии, ХАМАС одержал победу. Американское “продвижение демократии” в исламском регионе обернулось против самих США. После этого между ХАМАС и партией умеренного ислама ФАТХ, руководимой Аббасом, начались вооруженные столкновения, в результате которых Палестина разделилась на две территории. Сектором Газа теперь управлял ХАМАС, а Западным берегом – ФАТХ. Израиль вел переговоры с ФАТХ, а с сектором Газа и ХАМАС оказался в состоянии перманентной войны. ХАМАС усиливал антиизраильские террористические действия, а Тель-Авив отвечал массированными контрударами. Со стороны Палестины жертв было неизмеримо больше, но ХАМАС проявлял готовность воевать “до последнего” и победоносно завершить “Вторую интифаду”.

Уже за два года до окончания президентства Буша-младшего подавляющее большинство американцев категорически осуждали его внешнюю политику. Хотя “неоконы” во главе с самим президентом доказывали, что благодаря стратегии “продвижения демократии” она была утверждена в Ираке, Афганистане, Пакистане, большинство американцев, участников опросов общественного мнения, считали, что эта стратегия потерпела фиаско⁵⁴. Президентские выборы 2008 г. показали, что в стране наблюдалось нечто подобное новому “вьетнамскому синдрому”. Американцы не хотели приносить далее жертвы на алтарь “мировой демократии” и отдали победу Б. Обаме, пообещавшему в минимальные сроки вернуть домой армейские части из Ирака и Афганистана.

В этих двух странах внешняя политика Буша-младшего имела наиболее чувствительные потери. Но она оказалась провальной и на других важнейших направлениях. Причина – очевидная несостоятельность ее основополагающего замысла. Буш-младший и “неоконы” самоуверенно исходили из того, что США, оказавшись в условиях крушения ялтинско-потсдамского миропорядка единственной сверхдержавой, способны утвердить монополию в управлении международными отношениями и не просто подчинить себе новый миропорядок, но свершить всемирную “демократическую революцию” по американской модели. Внешнеполитическая практика обнаружила полный утопизм концепций “однополюсного мира”, “нового американского века”, как и иных имперских неоконсервативных фантазий. Америка надорвалась, провалы внешнеполитические усугубили внутриполитические кризисные явления, приведя в совокупности к самому серьезному подрыву американского влияния в мире за полвека. Плоды победы в “холодной войне” по неоконсервативному варианту пожать не удалось, а сама эта победа выглядела все более как пиррова. Американская гегемония на значительной части мирового пространства сохранялась, но по ее неоконсервативной имперской модели был нанесен сокрушительный удар. Формирующийся новый миропорядок нуждался в фундаментальных изменениях.

⁵³ В 2003 г. Арафат скончался.

⁵⁴ *McFaul M. Op. cit., p. 3.*